

Кунгурова Н.Ю.

(г. Барнаул)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БОЛЬШЕМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ АЛТАЯ

В настоящее время не вызывает сомнений существование большемысской культуры в лесостепной зоне Алтая и Салаирского кряжа. Эта культура была выделена Ю.Ф. Кирюшиным на основе материалов оз. Иткуль: Костенковой Избушки, Коровьей Пристани-3, Ляпустиного мыса, Большого Мыса, Городища-1. Характерными для большемысской культуры вещами исследователь считает посуду реповидной формы, орнаментированную зубчатой качалкой, каменные орудия, шлифованные ножи, каменные стерженьки рыболовных крючков, вкладыши, шлифованные тесла, топорики (Кирюшин Ю.Ф., 1986). Позднее памятники с керамикой подобного типа были открыты на Катунь и в Кузнецко-Салаирской области (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25-30; Кунгурова Н.Ю., 1991, с. 3-22; Бобров В.В., 1993, с. 90-94), что позволило отнести эти памятники к большемысской культуре. Ю.Ф. Кирюшин первоначально датировал культуру в "пределах третьего или даже второй половиной (II тыс. до н.э.)". Но на основании датировок из погребений Нижнетыткескенской пещеры-1, удревнил до конца IV тыс. до н.э. Однако, при этом продолжает относить ее к эпохе энеолита (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 14-16; 1990, с. 35-39). Тыткескен-2, гор. 3 на р. Катунь по мнению Ю.Ф. Кирюшина и К.Ю. Кирюшина, являются одним из наиболее ранних памятников этой культуры и может быть предварительно датирован концом IV — рубежом IV-III тыс. до н.э.

Со временем обозначился ареал распространения памятников, на которых была найдена керамика большемысского типа в пределах Бийско-Катунского Приобья, включающий более 30 памятников. Они располагаются вдоль рек Бии и Катунь, Верховьев Оби и их притоков и занимают лесостепные ландшафты предгорий и низкогорий и прилегающей территории.

Обживание определенной территории связано с генетически обусловленной социально-культурной ориентацией человека. Выбор, в первую очередь, падает на ту экосистему, которая соответствовала бы традиционным стратегиям данного общества. Для периодов каменного века основными факторами жизнеобеспечения являются объекты промысла и сырьевая база.

Изучение каменной индустрии различных памятников и мест их расположения в системе жизнедеятельности промысловой фауны позволило подразделить поселенческие комплексы Бийско-Катунской провинции на 2

группы (рис. 1), В данном случае мы имеем удачный пример культурно-территориальной зональности размещения групп населения, этнографически понимаемой как промысловые территории.

Одна группа поселений расположена в лесостепных низкогорьях Катунь и предгорьях левобережья Бии.

Вторая группа распространена в основном по лесостепному правобережью Бии и Бийско-го Приобья с равнинным лесостепным ландшафтом (рис. 1). К ней также относятся памятники, примыкающие к Кузнецкой котловине.

Поселения первой группы расположены в устьевых зонах притоков Катунь и Бии и тяготеют к экстремальным участкам путей сезонных миграций стадных животных, в данном случае — косуть и маралов (Кунгурова Н.Ю., 1997). Поселки состояли из крупных многокамерных жилищ с круглыми кладками — площадками из камней. В соответствии с публикациями Кирюшина Ю.Ф. и К.Ю., размеры большемысского жилища с пос. Тыткескен-2 были прослежены не полностью в размерах 16x10 м. К сожалению, полный контур жилища на поселении может быть искажен за счет его врезки в более раннее жилище, в результате чего, по мнению авторов, материалы заполнения перемешались (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1991, с. 25, рис. 2,1-2), а каменный материал авторы посчитали непригодным для типологических обобщений и его им полностью интерпретировать не удалось. На поселении Усть-Куюм было раскопано аналогичное жилище. Жилище имело узкую центральную часть (6x16 м), прилегающие восточную (10x10 м) и западную (12x14 м) камеры. Последняя, вследствие наложения на нее елунинского жилища и отсутствия характерного для всего жилища интерьера условно была названа жилищем № 2 (Кунгурова Н.Ю., 1991, с. 14). Мы не исключаем возможности существования здесь западной камеры по аналогии с западной камерой жилища № 3. Жилище содержало 11 одинаковых выкладок-площадок из щебня и галек диаметром 60-70 см. Общая длина жилища, включая восточную и западную камеры — 38 м, жилище заглублено в грунт на 0,25-0,70 м от древней поверхности. За пределами жилищ обнаружены были остатки каких-то наземных построек, состоящих из кладок и цепочек, выложенных гальками, как в основных жилищах. Во всех упомянутых жилищах Катунь внутреннее устройство было стандартным. Жилища с подобными выкладками-цепочками и площадками известны на Катунь в более ранних поселениях Куюм-брод с керамикой, орнаментированной зубчатым штампом (Кунгурова Н.Ю., 1990), на поселениях верхней Ангары и Енисея неолитического времени (Крижевская Л.Я., 1978; Тарасов Л.Н., Сеницына Г.В., 1978).

В заполнении жилища в устье Куюма

присутствует богатый каменный материал, насчитывающий около 4600 единиц. Хорошо представленный различными типами инструментария и характеризующий принципы традиционного расщепления и вторичного оформления. Индустрия поселения Усть-Кулом, удачно восполняет картину технологии характерной для Катунского варианта большемысской культуры. Основной заготовкой для изготовления орудий служила пластина, использовавшаяся в качестве вкладышей. Судя по обилию вкладышей, сумма которых составляет 46-48% от всех изделий с ретушью, население использовало инструменты с вставными лезвиями. Изделия из категории пластин характеризуют резчики, концевые скребки, вкладыши с концевой-боковой обработкой, вкладыши с выемчатыми и вогнутыми сторонами (рис. 2). Виды износа и способы крепления дали основание утверждать, что ведущее место в составе орудий занимают вкладыши охотничьего оружия колюще-метательного типа (Кунгурова Н.Ю., 1997).

По остеологическим анализам, сделанным А.В. Гальченко, основными объектами охоты были косуля и марал, в меньшей степени — лошадь, козел, як. Вся совокупность данных указывает на то, что поселение занималось коллективной охотой.

Поселение с кладками из колотого камня и галек, индустрией, соответствующей катунским традиционно-технологическим критериям и керамикой большемысского типа было обнаружено в устье р. Чапша - левого притока р. Бии с местностью, характеризующейся как предгорный лесостепной ландшафт. Индустрия поселения основывалась на вкладышевой технике, традиционной для Катунских стереотипов.

Поселения второй (Бийской) — группы в основном тяготеют районам, включающим оз. Иткуль и правые притоки бассейна р. Бии и равнинной лесостепи верховьев Оби. Для них характерны легкие наземные жилища типа чумов и овальные полуземлянки небольших размеров (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 18,16; 1990, с. 35-39). При выделении культуры Ю.Ф. Кирюшин использовал материалы поселения Костенковой Избушки, давшего наиболее массовый керамический материал, позволивший определить типологическое своеобразие посуды. На этом поселении каменный инвентарь продемонстрирован образцами, выполненными из отщепов, частью не имеющих формы. Характеризует коллекцию категория вещей листовидной формы с двусторонней сплошной обработкой (скребки, ножи, клинки, наконечники, тесла), шлифованные изделия (тесла, долота, топоры, ножи). Вкладыши единичны и оформлены двусторонней, либо концевой-боковой ретушью (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 15). К сожалению, до сих пор не существует полных публикаций этих материалов, несмотря на то, что

со времени выделения культуры прошло уже 11 лет, в течение которых ее проблематика апробируется в тезисах.

Прочие памятники второй группы, многослойны и содержат также ирбинские, елунинские и другие материалы со своей материальной культурой, набором каменного инвентаря. Поэтому к этим материалам следует относиться с большой осторожностью. Проблематично отнесение могильника Большой Мыс к большемысской культуре, так как керамики в погребениях нет. В засыпке одной из могил Большого мыса найдется сосуд ирбинского типа при том, что ирбинского слоя на могильнике нет, и, следовательно, он не мог попасть в могилу из слоя случайно.

Набор орудий, состав костей с большемысских поселений оз. Иткуль свидетельствуют о том, что главными промысловыми занятиями населения культуры были: индивидуальные способы охоты и рыболовство. По результатам остеологических заключений А.В. Гальченко, главный объект охоты на оз. Иткуль — лось. В охоте использовался лук со стрелами, не исключено — самострел с крупными наконечниками и оружие ближнего боя (копье). Предположительно, в рыболовстве и охоте большое значение имела лодка. О большом значении выдолбленных деревянных предметов в хозяйстве свидетельствует богатый набор дерево-обрабатывающего инструментария — топоров и тесел, долот различных типов со специфичным профилем рабочего края.

Собранная на р.Чебашиха Б.Х. Кадиковым коллекция с двусторонне обработанными изделиями типа коротких клинков и характерной керамикой, принадлежит ко второй группе памятников (рис. 3).

Охота на малоподвижных лосей и рыболовство допускали оседлое проживание в удобном для совмещения промыслов месте. Поэтому концентрация одно культурных памятников в районе оз. Иткуль велика.

Большемысские памятники, аналогичные по типам жилищ, хозяйственной специализации, типам изделий Бийской группы известны в Кузнецко-Салаирской области (Бобров В.В., 1996).

Группы памятников Бийско-Катунского Приобья объединяет керамика большемысского типа. Однако, отмеченные различия в хозяйственной специализации, устройстве и формах жилищ, инвентаре и технологии его изготовления ставят их на разные уровни данной культуры. Высокая степень различий материалов Костенковой Избушки, например, и упомянутых катунских комплексов может быть объяснена их существенной хронологической разницей. В традициях этих групп не выражена общая основа их формирования, четко проявляются элементы инокультурных влияний.

В технологии обработки камня и инвентаре Костенковой Избушки наблюдается законченный

процесс интеграции традиций, развивающийся в русле адаптации населения к природным ресурсам равнинной местности. Населением Бийской группы не использовалось катунское сырье, выходы которого находятся на расстоянии 150 км от поселений и легко доступны по водному пути. В низовьях Бии и на Иткуле качественное сырье практически отсутствует и необходимость пополнения его запасов вынуждает обращаться к иным, но не Катунским источникам. Обращает на себя внимание присутствие на поселениях яшм, кварцитов, песчаников, используемых для изготовления наиболее ценных и выразительных вещей (вкладышей, наконечников, острий). Эти виды сырья характерны для равнинного лесостепного Приобья, а именно — юго-западного Алтая. Они широко использовались в неолитических культурах Верхнего Приобья — кипринских, завьяловских, а также ирбинских (Молодин В.И., 1977; Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985; Абдулганеев, 1987) и стали принципиальной составляющей деталью в формировании технологии расщепления камня Бийской группы большемысской культуры. Однако, при этом, изделия колюще-режущего типа, оформленные с двух сторон встречными фасетками в большинстве случаев изготовлены из традиционного для обеих групп сырья — черного кварцита. К сожалению, источники этого кварцита на Бие не выяснены. Обращает на себя внимание использование сланцевой плитчатой породы кварцитов. В этом смысле сырье на Бийских памятниках принципиально отличается от Катунского и исключает факт Бийско-Катунского сырьевого обмена и регулярного привоза камня с Катунки.

Следует отметить, что принцип изготовления из камня двусторонне обработанных клинковых форм основывается на традиции тонкого фасетирования, родственного пластинчатому расщеплению. Интегрирование данной традиции в рамках Алтая выяснить весьма сложно, так как формы, подобные клинкам Бийской группы, встречаются как на памятниках Катунки, так и на поселениях сопредельных территорий лесостепного Приобья. Индустрия поселения Тыткескень-6 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994) и вещи из могильника Усть-Иша представляют одну из завершающих ступеней технологической интеграции и их технико-морфологические показатели более близки Бийским, чем Катунским.

В материальную культуру Бийской группы вошли элементы традиций, в основном, не характерные для Катунской группы. В первую очередь, это шлифовка и связанные с ней формы изделий, принципы оббивки и расщепления, с получением широких фасеток сколов, характерных для вязких пород с высоким сопротивлением структуры (рис. 3). Они могли быть заимствованы у контактных групп лесостепи. Развитие же Бийского варианта

большемысской техники происходило в лесостепной равнинной зоне Бии и Верхнего Приобья, что подтверждается материалами с поселений Бийской боровой террасы, к примеру, с Ляпустиного Мыса, Комарова I, находками с Енисейского, Борового. На некоторых памятниках материалы включают как большемысскую керамику, так и керамику, орнаментированную коротким зубчатым штампом, отпечатками шнура, "текстиля", "отступающей палочкой", аналогии которой прослеживаются в кипринских и ирбинских материалах. Каменный инвентарь, как правило, выполнен в технике оббивки и подшлифовки. Он включает очень богатый ассортимент изделий: топориков, тёсел, долот, скрёбел и скребков, ножей и т.д. Эти совмещения часты и их можно интерпретировать как результат многослойности, и как следствие взаимодействий и даже слияния этносов с единой ориентацией деятельности. Все это требует дополнительных уточнений, но однозначно говорит о сложности процесса формирования традиций у населения большемысской культуры. Требует уточнений также укрепившаяся в литературе точка зрения о том, что шлифованные сверленные топоры являются большемысскими (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 208). Ни на одном из памятников большемысской культуры ни этих орудий, ни косвенных свидетельств их использования не обнаружено. Представляемые в таблицах топоры являются отдельными находками из предгорной и горной зоны Алтая (с. Красногорское, Владимировка).

Население бийской группы широко использовало в качестве орудий отщепы без дополнительной подработки. Это, в свою очередь, свидетельствует о вырождении традиций обработки камня. Материалы Костенковой Избушки, Чебашихи, таким образом, представляют собой завершённый продукт синтеза традиций, вступивших в процесс формирования бийской группы. Они, на наш взгляд, датируются наиболее поздним временем по сравнению с другими памятниками бийской и катунской групп. Таким образом, по нашему мнению, хронологические различия не объясняют принципиальных различий в основных традициях выделенных групп. В различиях, скорее всего, проявляются доминирующие компоненты культурных влияний, приоритетность которых зависит от степени устойчивости формирующих культуру основ. Так, в катунской группе прослеживается высокая степень устойчивости местных традиций хозяйства и техники изготовления орудий труда. Это позволяет говорить о принадлежности ее к Катунской технологической традиции мезолита-неолита. В материальной культуре Бийской группы отразились процессы влияния традиций, генетические корни которых на данной территории не известны.

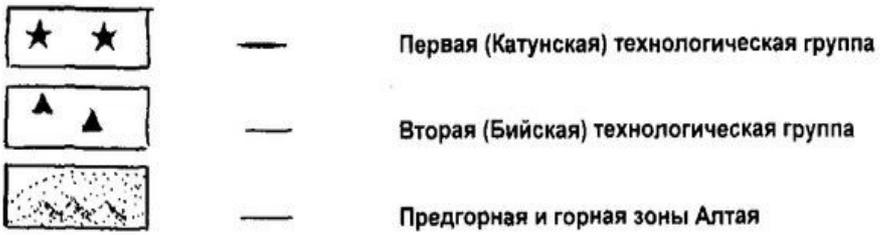
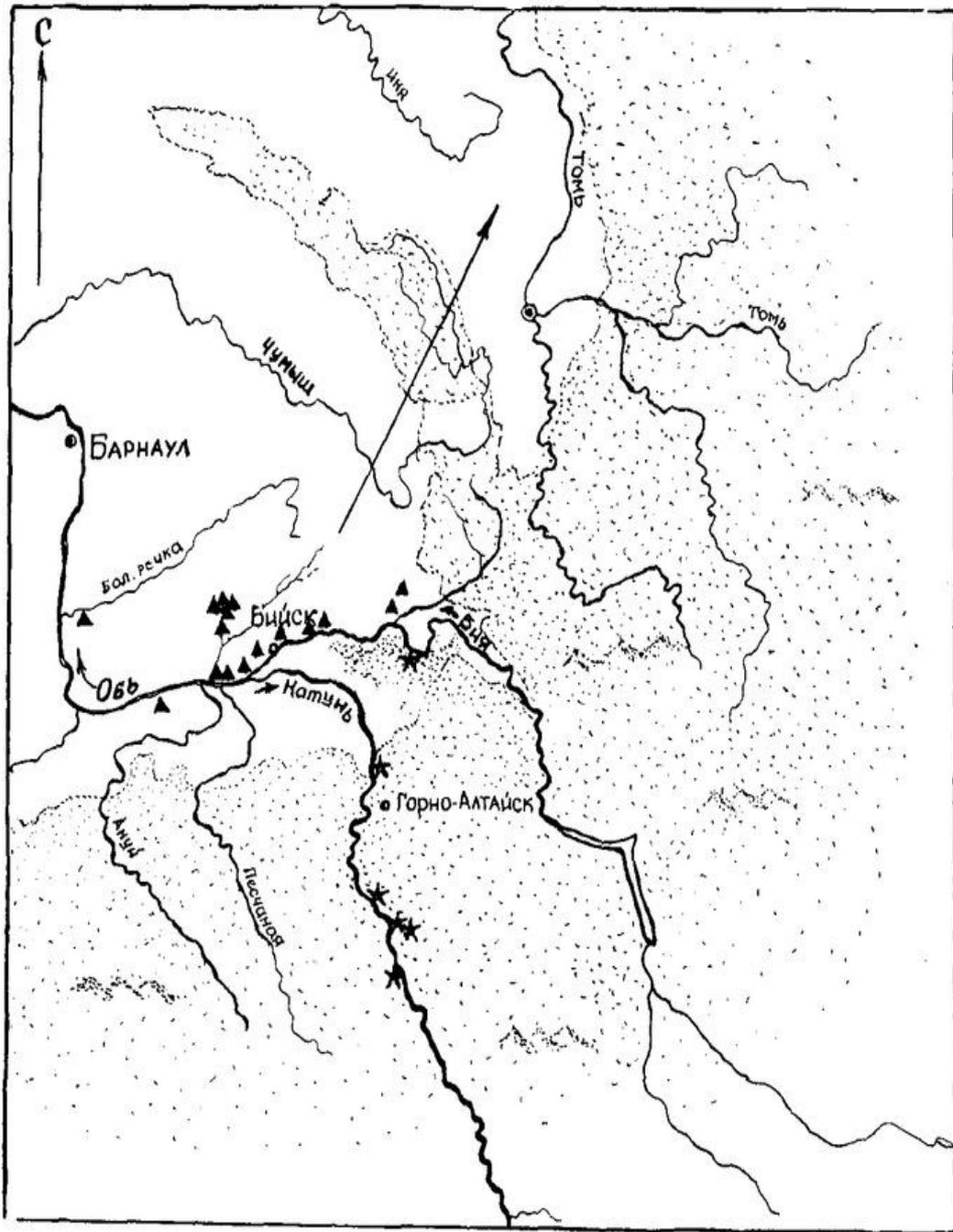

Рис.1. План размещения технологических групп Большемысской культуры

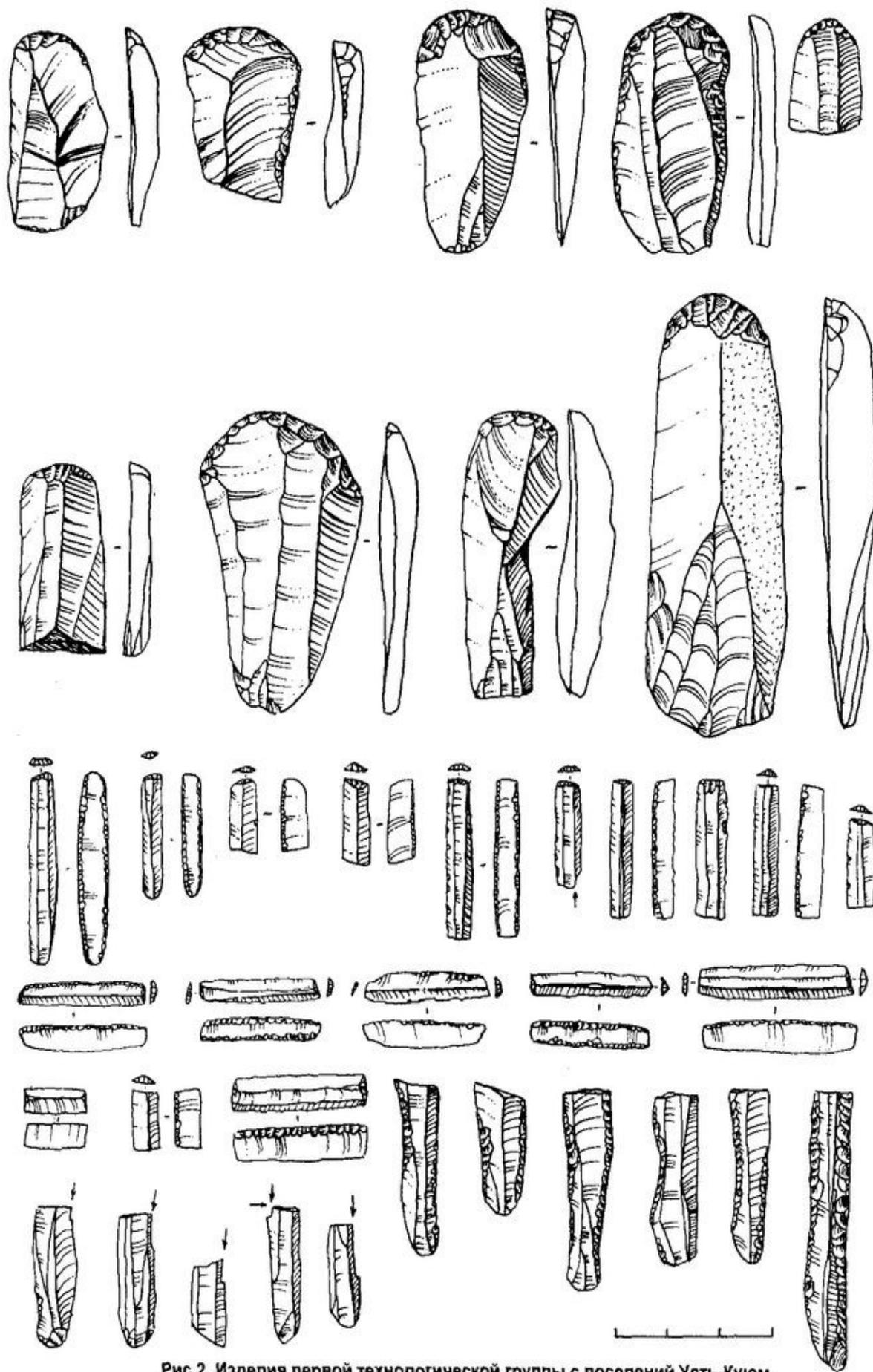

Рис.2. Изделия первой технологической группы с поселений Усть-Куюм, Тыткескень 2, гор.3, Куюм-Брод

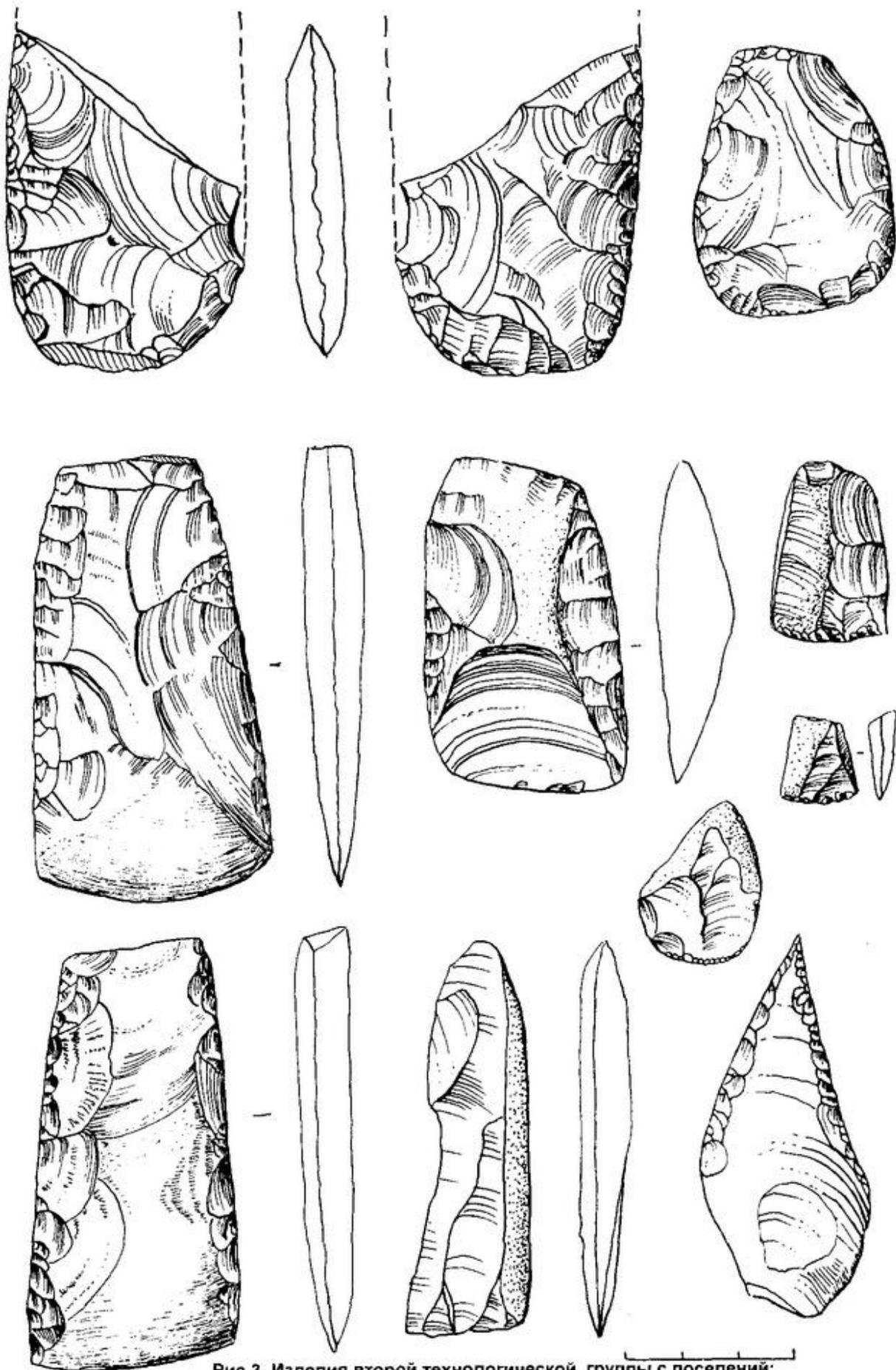

Рис.3. Изделия второй технологической группы с поселений:
Чебоциха, Кемерово - I.

Формирующие ее начальные основы не читаемы в Бийских материалах. Можно предполагать, что они были утрачены вследствие экстремальных событий, имевших место уже на уровне завершения технологической переориентации на отцеповое производство.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово- 1 — новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67-80.
2. Бобров В.В. Танай-4а — новый памятник большемысской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 66-71.
3. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986- 35 с.
4. Кирюшин Ю.Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). Барнаул, 1990. С. 35-39.
5. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень 2 // Проблема хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23-28.
6. Кирюшин Ю.Ф., Крюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73-117.
7. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень 6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 111-123.
8. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 194-222.
9. Крижевская Л.Я. Неолитические поселения в устье р. Белая // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 69-95; Тарасов Л.М., Синицина Г.В. Неолитическое поселение Падь Шелот // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 113.
10. Кунгурова Н.Ю. Микролитические памятники Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 37-51.
11. Кунгурова Н.Ю. Новая стоянка на р. Куюм // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 34-35.
12. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3-22.
13. Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катунь // Известия Лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск, 1997. С. 3-8.
14. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 171 с.